

ГРАФЪ А. К. ТОЛСТОЙ

о Государынѣ Императрицѣ Маріѣ Александровнѣ.

Красный-Рогъ, 3 Ноября 1869 г.

Императрица пожелала, чтобы я ей прочелъ мои три послѣднія баллады, затѣмъ „Былину“ и затѣмъ „Исторію Россіи“. Каждая вещь въ своемъ родѣ была одобрена Ея Величествомъ, и какое удовольствіе имѣть ее слушательницей! Изъ всѣхъ моихъ слушателей, настоящихъ и прошедшихъ, я ей читаю съ наибольшимъ удовольствіемъ. Ничто отъ нея не ускользаетъ, она все понимаетъ, все угадываетъ, и ея подвижное лицо отражаетъ всѣ оттѣнки и подбодряетъ чтеца вносить выраженіе въ свой „Vortrag“.

(Соренто) 27 Ноября 1874.

Вотъ исторія моего приѣма у Императрицы. На другой день ея приѣзда сюда, во Вторникъ, Барятинскій¹⁾ пришелъ ко мнѣ и сказалъ мнѣ, что она будетъ очень рада меня видѣть; но если можетъ мнѣ повредить выѣздъ, то она проситъ меня этого не дѣлать. На что я отвѣчалъ, что, напротивъ того, мнѣ будетъ это полезно. Тогда на другой день Барятинскій мнѣ написалъ, чтобы я пришелъ безъ четверти часа и остался завтракать. Такъ какъ сказано было быть въ сюртукѣ, мнѣ не пришлось надѣть фуфайку, но я надѣлъ „намордникъ“²⁾ и взялъ съ собой дурака Датчанина Diaps, который былъ очень красивъ въ черномъ платкѣ, въ цилиндрѣ и лайковыхъ бѣлыхъ перчаткахъ. Императрица сначала приняла меня въ своей гостиной, вдвоемъ съ глазу на глазъ, пока другіе ждали ея выхода. И только что я вошелъ, я раскашлялся нервичнымъ кашлемъ (а не простуднымъ), и ей было жалко, и на лицѣ было видно, что въ самомъ дѣлѣ жалко. Императрица, кажется, здорова на видъ. Она нѣсколько разъ разспрашивала меня про тебя, всегда съ большимъ интересомъ; я завтракаю, обѣдаю и пью чай у нея. Вечеромъ m-me M.³⁾ читаетъ вслухъ, и я ее прерываю замѣчаніями, которыя имѣютъ самый большой успѣхъ и которыя портятъ чтеніе надолго, т. е. я притворяюсь, что не понимаю, и прошу самыхъ невозможныхъ объясненій.

Сегодня буду читать (Сонъ) „Попова“. Императрица просила меня серьезно ей прочесть „Бунтъ въ Ватиканѣ“, а такъ какъ я отказалъ наотрѣзъ, а m-me M. такъ настаивала, чтобы я ей его прочелъ, то я общалъ ей это сдѣлать въ темной комнатѣ. Вчера читалъ „Попова“.

¹⁾ Князь Владиміръ Ивановичъ. П. Б.

²⁾ Графъ А. К. Толстой страдалъ удущьемъ. П. Б.

³⁾ Анастасія Николаевна Мальцова. П. Б.

Никогда еще онъ не имѣлъ такого успѣха; лица, играющія въ карты, прервали игру и повернули стулья; m-me M. визжала, а Императрица смѣялась до слезъ. Она меня упрекала, что я ее раньше не познакомилъ съ этимъ стихотвореніемъ, которое она называетъ *chef d'oeuvre*. Она просила копию его, и всѣ прочіе также изъявили это желаніе, и двумъ писцамъ поручено умножить рукопись. Она мнѣ еще въ концѣ дня говорила объ этомъ, и сегодня утромъ также. Вчера вечеромъ, послѣ того какъ Императрица удалилась, m-me M. такъ настойчиво просила, чтобы я ей сказалъ, „Бунтъ въ Ватиканѣ“, что я это сдѣлалъ въ углу гостинной, говоря все время ей на ухо. Эффектъ былъ съ ногъ сшибательный. Она кричала до слезъ и топала ногами.

Оба Великіе Князья уѣзжаютъ сегодня утромъ въ Россію черезъ Парижъ, и Императрица ихъ провожаетъ до границы и пригласила меня съ нею ѣхать. Вообще она ужасно добра ко мнѣ, и всѣ это замѣчаютъ. На дняхъ здѣшнія дамы показывали серебряные карандаши, которые онѣ привезли изъ Англіи, и которые можно носить или на поясѣ или на часахъ. Карандаши очень толстые и симпатичные, и такъ какъ я подумалъ о тебѣ, то на моемъ лицѣ, вѣроятно, выразилась алчность, и Императрица мнѣ сказала: „Я черезъ два дня должна получить такой же карандашъ, и такъ какъ онъ вамъ нравится, то я вамъ подарю тотъ, который получу, а себѣ выпишу другой“. Третьяго дня получилъ карандашъ. Она сама прошла черезъ всю комнату ко мнѣ, чтобъ мнѣ его дать. Она почти всегда меня сажаетъ рядомъ съ собой, за обѣдомъ, и вчера вечеромъ, во время сеанса фокусника, я тоже сидѣлъ рядомъ съ ней. Я ей рассказываю все, что мнѣ приходитъ въ голову, и часто анекдоты про монаховъ, священниковъ и разныхъ святыхъ. Я только-что вспомнилъ сейчасъ, что я ей еще не рассказавъ анекдота про рыжаго херувима; я сегодня это исполню.

С.-Ремо, 2 Февраля 1875 г.

Императрица посылаетъ со мною какую-то вещь Великой Княгини. Я ей рассказывалъ, что видѣлъ крысу въ оврагѣ, у которой на лѣвомъ плечѣ маленькій кусочекъ пластыря. Это сущая правда; но я прибавилъ, что видѣлъ другую крысу, у которой была вата въ ушахъ; этому она не повѣрила. Я тоже рассказывалъ ей исторію про *рыжаго херувима*. Она смѣялась до слезъ, такъ что закрыла себѣ лицо обѣими руками. Я придавъ рассказу характеръ правдивости.

Извлечено изъ IV-й тетради Сочиненій графа А. К. Толстого, изданія А. Ф. Маркса.

Другія выдержки см. въ „Русскомъ Архивѣ“ 1808, вып. XI-й. П. Б.